

СОВЕТСКОЕ ПРАВО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА

**Мордовцев
Андрей
Юрьевич** доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26); профессор кафедры теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66). E-mail: aum.07@mail.ru

**Апольский
Евгений
Александрович** кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26). E-mail: apolski@mail.ru

Аннотация

В статье показано, что механическое заимствование чужеродных правовых институтов, свойственное 90-м годам XX в. и являющееся значимой частью либерального проекта реформирования постсоветской России, уже к началу 2000 годов привело к очевидному «сужению» социально-архетипической основы развития национального права: произошел переход от доминирования собственных этноментальных, духовных и цивилизационных оснований к «продавливанию» в отечественное правовое пространство «заемных» юридических принципов, ценностей, норм, идей. В рамках российского либерального дискурса феномен советского права подвергался исключительно регрессивной оценке, а именно как «отход» от романо-германских и англосаксонских политико-правовых универсалий, которые якобы были изначально присущи российскому дореволюционному миру. Такого рода суждения, очевидно, не позволили и не позволяют в настоящее время осуществлять плодотворный поиск доктринальных источников собственно российского права, становятся препятствием к обретению в первой половине XXI в. органичного историческим и духовным реалиям, оригинального правового мира.

Ключевые слова: советская правовая система, евразийство, преемственность, новизна, политическая система, консерватизм, вестернизация, правовой менталитет, правовое сознание, либерализм, марксизм, правовой нигилизм, рецепция права.

Вопрос о единстве правовой истории России, несомненно, является одним из актуальных в современном правоведении, хотя и звучит он, иногда, по-разному [1, 2]. В частности, можно искать преемственность между традиционными (допетровскими) правовыми и политическими институтами и имперской правовой системой, отмечая, вслед

за славянофилами и почвенниками разрушение собственно национального правового мира, подрыв его основ и т.д.

Так, в славянофило-почвеннической среде середины XIX в. получило широкое распространение убеждение в том, что «Суд есть выражение общественной нравственности, это голос бытовой совести... Живой обычай выше мертвой буквы закона, совесть выше справедливости внешней. Таков принцип, который должен господствовать в судопроизводстве» [3, с. 566]. Однако с позиции многих имперских юристов и философов западно-либерального направления такая постановка вопроса суть показатель некоего «правового архаизма» и даже «реакционности».

Впрочем, последнее нельзя обойти своим вниманием, т.к. такого рода обвинения можно слышать и в настоящее время в отношении сколько-нибудь консервативно настроенных авторов или политиков. «У нас теперь в большом ходу слово *реакция*. Этим словом перекидываются как самым ругательным. Им запугивают наш слабоумный либерализм. Но скажите ради Бога, не есть ли отсутствие реакции первый признак мертвого тела?... Горе нам, если мы не способны даже теперь оказать спасительную реакцию, которая состоит не в том, как думают наши гнилые либералы и политические плуты, держащие их на поводьях, чтоб ухудшить наши дела, – а напротив, чтоб их улучшить, чтобы вывести их на прямой путь, чтоб оздоровить их», – писал во второй половине XIX М.Н. Катков [4, с. 85.] и, наверное, не стоит использовать никаких особых научных методов или аргументов, чтобы понять актуальность такого взгляда и в первой четверти XXI столетия.

Представляется, что такая ситуация в отечественной государственно-правовой и политической сфере отчасти ясна и авторам последней редакции Конституции РФ, закрепившим, например, в ст.67 Основного Закона принципы исторического правопреемства: «Российской Федерации и Союза ССР», «...преемственность в развитии Российского государства», «...память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» и т.п. Можно ли вообще разделять мнение зарубежных или «доморощенных» либералов о якобы некой юридической «ущербности» россиян, русских, об их «врожденном правовом нигилизме» и принципиальном «антидемократизме» и в это же время говорить о важности какой-либо институциональной, идейной, доктринальной преемственности в правовой области жизнедеятельности общества? Вряд ли, кто-либо может так рассуждать, оставаясь при этом в рамках формальной логики (зачем же «наследовать» такие «страшные» социально-правовые пороки??)

Однако «неужели, спросим мы, стремление соединить воедино и государственный закон, и народный обычай в духе подчинения и служения одной цели есть **отрицание права?**» [5, с. 455; 6]. Здесь, разумеется, стоит согласиться и с некоторыми современными правоведами, считающими, что «правовой нигилизм, в котором постоянно обвиняют российскую традицию права, есть результат оценки одной правовой культуры через призму другой, причем такой оценки, которая исходит из того, что есть какое-то одно «правильное» и развитое правосознание, относительно которого имеют смысл сравнительные степени развития, компетентности всякого другого правосознания» [7, с. 23]. Тем не менее, борьбы с идеями о «неполноценности» национального права и «примитивизме» правового сознания населения России, «исторически ему присущим» – это только полдела! Причем, к концу первой четверти XXI в. можно сказать, что основные «удары» на этом дискурсивном поле уже отбиты.

Начиная с распада СССР, в постсоветской России идет реформирование национальной правовой системы в рамках общей стратегии «вестернизации» отечественных

правовых, политических и экономических институтов, их радикального пересмотра с позиции западных принципов, идеалов, норм, культурных стереотипов, объявленных некими «универсалиями», основами прогресса и «процветания» любого государства и общества. Главным же инструментом обновления российского права в конце XX – начале XXI вв. стала рецепция, а точнее «механическое заимствование» англо-американского и романо-германского правового опыта, институтов, норм, интеллектуально-ценностных и идеологических установок.

Причем, этот способ оказал свое воздействие не только на формирование западно-ориентированной правовой системы в постсоветской России, но и, разумеется, дал о себе знать на доктринальном юридическом уровне. Обоснование абсолютно «прогрессивного» характера такого вектора правовых изменений в отечественном правоведении весьма увлекло ряд исследователей, правда, некоторые из них стремились «учесть» и важность национального измерения правовой действительности, поэтому здесь не обошлось без курьезов».

Так, в одной не так давно вышедшей монографии можно прочитать: «В заключение следует отметить, что критика индивидуализма... и обоснование позитивной роли неформальных взаимодействий отнюдь не означает отрицание либерально демократических институтов государства. Последним действительно нет альтернатив и «конец истории» для иных идеологий наступил с крахом государственного социализма... Между тем *призывы, направленные на отрицание универсальных либеральных принципов применительно к отечественной политической и правовой системе, вряд ли следует признать перспективными*» [8, с. 155].

Автор признает возможность «либерализма» без «индивидуализма» (его незыблемой социальной основы) и именно на этой основе строит свои выводы, в частности, о возможности «вживания» либеральных политико-правовых «канонов» в отечественном государственном и социокультурном пространстве.

Пришедшие к власти в России либерально ориентированные элиты в ускоренном темпе готовили соответствующее их интересам правовое пространство, основанное на принципиальном чуждом для отечественной правовой культуры *типе юридической идентификации* многообразия социальных явлений. В такой ситуации, кроме всего прочего, неизбежно возникли сомнения в наличии, во-первых, собственной, самостоятельной теории российского права и государства; во-вторых, в каком-либо прогрессивном многовековом развитии отечественной правовой системы; в-третьих, в наличии константных социокультурных (ментальных, архетипических) ее основ.

Суммируя выделенные здесь моменты, следует отметить, что эскалация либерального правового сознания и соответствующая этому явлению, построенная на чужеродных (западно-цивилистических) духовных элементах постсоветская правовая культура быстро привели к **новому** (после господства формационной модели истории в советский период) **отрицанию единства российской правовой истории**. Ранее история отечественного права представлялась в качестве разделенного формационными «перегородками» и разного рода политико-идеологическими «стенками», напроць «разорванного» феномена.

К середине 90-х годов XX в. базовые критерии и оценки эволюции отечественного правового мира поменялись: от критики московско-имперского права и гиперболизации прогресса советской правовой системы большинство исследователей, конечно, отказалось, соответственно, произошла смена «плюсов» и «минусов», в результате чего советское право просто стало считаться «выпавшим» звеном отечественной государственно-

правовой истории, а идея признания единства последней, как и ранее, была отвергнута. Правда, в такой ситуации, «широкое распространение получили такие противоборствующие в этом ключевом вопросе крайности, как консервативно-апологетическое и радикально-нигилистическое отношение к нашему историческому прошлому» [9, с. 4].

Право СССР стало рассматриваться как напрочь лишённое национальной культурной и цивилизационной «подкладки» явление, искусственный и по природе своей, вообще, «антинародный», сверх всякой меры марксистско-ленинский (заидеологизированный) регулятивно-охранительный «продукт». Более того, в современной литературе можно встретить суждения об *инволюции советского правового сознания*. «Так, в бывшем СССР в результате революционных, а по существу катастрофических перемен сложилось массовое квазиправовое сознание, способное существовать в плену иллюзий, самообмана... неправо вместо права, несправедливость вместо справедливости, режимное существование вместо свободы» [10, с. 124].

В общем, в либеральном российском дискурсе и, как это не покажется странным, в его антиподе – православно-консервативном типе правопонимания советское право вызвало «нисхождение общественного сознания к доправовому состоянию» [10, с. 124]. Ясно, что такого рода сущностная оценка этого этапа отечественной истории права имплицитно представляет советское право в качестве некоего «выпавшего звена» в эволюционной цепи национального правового мира.

Заметим, что на этом фоне у ряда известных западных правоведов, компаративистов (например, в работах Р. Давида и др.) все же признавалось, что «марксистский идеал будущего общества нашел благодатную почву в моральных и религиозных чувствах русского народа». Более того, по мнению этого же компаративиста, «единство русского народа основывалось не на праве.

Авторы западных стран могут сколько угодно насмехаться над юстицией и судьями, высмеивать их слабости, но ни один из этих авторов не представляет себе общества, которое может жить без судов и без права... Такое представление мало кого шокировало в России. Подобно святому Августину, Лев Толстой желал исчезновение права и создания общества, основанного на милосердии и любви» [11, с. 119].

Итак, западные юристы, конечно, признавали социалистическое право в качестве особой, более чем оригинальной (конечно, по сравнению с их правовыми системами) правовой действительностью, после Второй мировой войны, ставшей семьей. При этом, они все же не исходили и просто не могли этого делать вследствие присущей им теоретико-методологической (сугубо рациональной) установки из каких-либо культурно-цивилизационных и духовных источников национального права. Основной упор был сделан (как, впрочем, и в советской традиции) на содержание марксистской доктрины, которая, по их мнению, всецело определяла сущность, содержание и функционирование юридических норм и институтов в СССР.

«Прежде чем изучать созданные в стране институты, следует еще раз подчеркнуть значение марксизма как учения и вытекающей из него концепции права... Советская страна еще не завершила революцию. Государство было и остается революционным. Нельзя упускать из виду это марксистское видение. Благодаря ему в СССР право трактовалось весьма своеобразным образом и ему была отведена иная роль в сравнении с западно-европейским пониманием роли права» [11, с. 124–125].

Правда, имеют место и более прямолинейные суждения, особенно, в отношении отечественного (советского) права и правовых систем иных социалистических государств.

В частности, Л. Фридмэн считает, что «Россия и ее союзники когда-то имели тесные связи с системой гражданского права. Социалистические революции трансформировали эти страны, но их правовое сходство с Западной Европой осталось. Этим и объясняется тот факт, почему некоторые научные школы трактуют эти системы просто как часть европейского семейства, как «блудного сына», как «белую ворону», тем не менее принадлежащих к своему семейству... Маркс и русский медведь наложили тяжелую лапу на законы стран «народной демократии» в Восточной Европе» [12, с. 19].

Здесь, конечно, можно отчасти согласиться с последним (хотя, с широких историко-правовых и культурологических позиций могут быть вопросы), но признать российское право в качестве «заблудившегося сына» западной правовой культуры просто невозможно, абсурдно с любых сторон (исторической, цивилизационно-культурной, институционально-содержательной и т.п.). Утверждать это могут лишь те авторы, которые напрочь лишены минимальных представлений об изучаемом предмете – оригинальной во-многом российской правовой действительности, всегда имеющей «под ногами» *собственную почву* (она сохраняется и в период петровских реформ, и в ходе известных систематизаций М.М. Сперанского, проведенных под влиянием западно-европейских традиций, и в процессе сложных, западнцентристских политико-правовых преобразований Александра II и даже при, казалось бы, полном «революционном отрицании»¹ всего русского мира после октября 1917 г.).

В настоящее время, конечно, уже имеют место некоторые, еще незначительные научные и нормативно-правовые «подвижки» сторону признания преемства между разными этапами развития «русского мира», однако фундаментальные, системные, причем, созданные на междисциплинарной основе исследования еще отсутствуют.

В качестве одной из теоретико-методологических моделей изучения советского права в единстве отечественной правовой истории может и должно стать *евразийство* и *неоевразийство*.

Обращение к концептуальным наработкам Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексева, Л.Н. Гумилева, Г.В. Вернадского и др., предлагаемому ими категориальному аппарату, относящемуся к пониманию сущности и специфики отечественного государственно-правового и политического поля позволит снять излишнюю (современную) предвзятость и уже сложившуюся шаблонность в отношении советской правовой системы, ее институтов и принципов.

В содержательно-принципиальном плане именно евразийское измерение всей российской правовой истории и, в частности, советского права способно снять острые противоречия между консервативно-традиционными, позитивистскими, естественно-правовыми, классовыми подходами к пониманию природы отечественного политико-правового пространства.

Процесс же преодоления, весьма устойчивых, к сожалению, представлений о принципиальной «дискретности» российской правовой истории и «внеациональности» советского права можно представить в нескольких, взаимосвязанных, но в то же время самостоятельных теоретико-методологических ракурсах:

¹ Для ясного понимания природы русских революций необходимы фундаментальные междисциплинарные исследования, которые должны будут ответить на два главных вопроса: были ли революции 1917 г. «беспочвенными», инспирированными какими-то «темными силами» Запада или отечественными «жидо-массонами», либо эти трагические события как раз имеют собственно российскую почву, т.к. являются способом разрешения копившихся в течение трех столетий противоречий между Россией «франкофонной» и Россией «профанной», народной?

1. Следует преодолеть крайности классово-формационного и сменившего его в российском правовом и политическом познании 90-х годов XX в. либерально-прогрессистского осмысления национальной правовой истории, отказаться от этих двух «монизмов» в пользу более «тонкого» понимания основных периодов развития отечественного права и государства, основанного на признании культур-цивилизационных индексов этих социальных феноменов.

Такого рода проект предлагался в трудах русских евразийцев (Н.Н. Алексеевым, Н.С. Трубецким и др.), но он не получил своей полной реализации в постсоветской гуманитарии, более того в силу известных факторов оказался вытесненным на интеллектуальную периферию, в том числе и в правовой, и в политических науках. Эвристический потенциал евразийского понимания особого рода диалектики самобытных и универсальных характеристик правовой системы России может и должен быть использован для выявления сущностных основ советского права, определения его национального содержания и вектора эволюции. В частности, большой интерес здесь представляют такие категории, как «гарантийное государство», «тягловое государство», «демотия», «идеократия», исторический и культурный «ландшафт», «евразийский отбор» и др.

2. При исследовании советского права как явления евразийской политической культуры «национальный менталитет» становится магистральным методологическим принципом, т.к. позволяет соединить в *единое духовное целое* все этапы правовой истории России, а значит, и включить в него право СССР как своего рода закономерный ответ на процесс «продавливания» в традиционную отечественную правовую культуру романо-германских по природе своей институтов и механизмов, начавшийся еще в ходе петровской (исторически первой) тотальной вестернизации и достигший высшей точки своего развития в ходе известной инкорпорационной деятельности М.М. Сперанского и Великих реформ Александра II. Причем, при использовании понятия «правовой менталитет» следует опираться не на некий принятый в разных гуманитарных отраслях научного познания абстракт (типа «национальный характер»), а на системное изложение теории правовой ментальности. Только такой подход позволит адекватно подойти к рассмотрению культурцивилизационных и генетических аспектов собственного политико-юридического мира.

Правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности, определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных, профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц.

Именно такое понимание содержания национального правового менталитета обуславливает признание того, что для каждой правовой системы (семьи) характерен свой тип правовой идентификации и игнорирование этого обстоятельства неизбежно приводит к серьезным ошибкам в определении основных целей и способов реформирования права в конкретном государстве, в определенный исторический период.

Глубинными же источниками правовой идентификации социальных отношений выступают сложившейся веками жизненный уклад народа, его идеалы, ценности, стереотипы в правовой, экономической, бытовой, идеологической и иных сферах, что предполагает обращение исследователей к духовно-национальному и предметно-материальному измерению правовой культуры.

3. Исследование специфики советского права как феномена евразийской политической культуры позволяет выйти на рассмотрение такого важного и в теоретическом, и в практическом плане вопроса, как преемственность и новизна в отечественном государственно-правовом развитии.

Отрицание единства российской правовой истории, пренебрежение множеством культурологических факторов в 90-х годах XX в. привело к повторению ситуации, когда в рамках национальной правовой системы делаются попытки механического объединения разнородных правовых институтов и норм без учета отечественных правовых традиций, особенностей национальной психологии (ментальности), интересов большинства населения страны.

Напротив, органичный евразийской культуре России советский юридический опыт оказывается просто «вычеркнутым» как «антироссийский», что, соответственно, лишает современное российское право исторически и ментально близких источников «преемственного» правового развития, а значит, постсоветский правовой порядок оказывается «заложником» рецепций западных юридических конструкций, по сути своей, его разрушающих, лишаящих собственных социальных и культурных оснований, что, очевидно, никак не приводит к эффективному функционированию его ключевых элементов.

Механическая «подгонка» имеющихся («заемных») нормативно-правовых моделей к современным отечественным реалиям, архетипам и символам «русского мира», часто выдаваемая за «обновление» национального права, обречена на провал, а значит ведет к дальнейшему снижению эффективности законодательства.

Литература

1. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Мордовцева Т.В. СССР: создание и крушение империи в контексте «общества риска» // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1 (22). С. 51 – 58.
2. Апольский Е.А., Мордовцев А.Ю., Хоменко С.М. Политико-правовой режим в сущностном и национальном измерении. М.: Юрлитинформ, 2021. 160 с.
3. Аксаков И.С. О мировом суде // Полн. собр. соч. В 5 т. М., 1886. Т. 4. 782 с.
4. Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009. 800 с.
5. Аксаков И.С. Еще об уездном самоуправлении // Полн. собр. соч. В 5 т. М., 1886. Т. 5. 686 с.
6. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права: (Сб. ст. по философии и истории права). СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2002. 156 с.
7. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23 – 31.
8. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 180 с.
9. Преемственность и новизна в государственно-правовом развитии России / Графский В.Г., Ефремова Н.Н., Лаптева Л.Е., Нерсесянц В.С. и др. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. 41 с.
10. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000. 400 с.
11. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1997. 399 с.
12. Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. 284 с.

Mordovtsev Andrey Yurievich, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (26, Soborny lane, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (66, ave Lenin, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation). E-mail: aum.07@mail.ru

Apolsky Evgeni Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (26, Soborny lane, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: apolski@mail.ru

SOVIET LAW IN THE NATIONAL LEGAL HISTORY: CONTINUITY AND NOVELTY

Abstract

The article shows that the mechanical borrowing of foreign legal institutions, characteristic of the 90s of the twentieth century. and being a significant part of the liberal project of reforming post-Soviet Russia, already by the beginning of 2000 led to an obvious "narrowing" of the socio-archetypal basis for the development of national law: there was a transition from the dominance of one's own ethno-mental, spiritual and civilizational foundations to the Legal principles, values, norms, ideas. Within the framework of the Russian liberal discourse, the phenomenon of Soviet law was subjected to an exclusively regressive assessment, namely, as a "departure" from the Romano-Germanic and Anglo-Saxon political and legal universals, which were allegedly originally inherent in the Russian pre-revolutionary world. Such judgments, obviously, did not allow and do not allow at present to carry out a fruitful search for doctrinal sources of Russian law proper, become an obstacle to the acquisition in the first half of the 21st century organic to historical and spiritual realities, the original legal world.

Keywords: *Soviet legal system, Eurasianism, continuity, novelty, political system, conservatism, Westernization, legal mentality, legal consciousness, liberalism, Marxism, legal nihilism, reception of law.*

References

1. Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu., Mordovtseva T.V. SSSR: sozdanie i krushenie imperii v kontekste «obshchestva riska» // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2020. T. 7. № 1 (22). P. 51 – 58.
2. Apol'skiy E.A., Mordovtsev A.Yu., Khomenko S.M. Politiko-pravovoy rezhim v sushchnostnom i natsional'nom izmerenii. M.: Yurlitinform, 2021. 160 p.
3. Aksakov I.S. O mirovom sude // Poln. sobr. soch. V 5 t. M., 1886. T. 4. 782 p.
4. Katkov M.N. Ideologiya okhranitel'stva. M., 2009. 800 p.
5. Aksakov I.S. Eshche ob uezdnom samoupravlenii // Poln. sobr. soch. V 5 t. M., 1886. T. 5. 686 p.
6. Velichko A.M. Nравstvennye i natsional'nye osnovy prava: (Sb. st. po filosofii i istorii prava). SPb.: Izd-vo Yurid. in-ta, 2002. 156 p.
7. Nevvazhay I.D. Tipy pravovoy kul'tury i formy pravosoznaniya // Pravovedenie. 2000. № 2. P. 23 – 31.
8. Denisenko V.V. Legitimnost' kak kharakteristika sushchnosti prava: vvedenie v teoriyu: monografiya. M.: Yurlitinform, 2014. 180 p.
9. Preemstvennost' i novizna v gosudarstvenno-pravovom razvitii Rossii / Grafskiy V.G., Efremova N.N., Lapteva L.E., Nersesyants V.S. i dr. M.: Izd-vo IGiP RAN, 1996. 41 p.
10. Bachinin V.A., Sal'nikov V.P. Filosofiya prava. Kratkiy slovar'. SPb., 2000. 400 p.
11. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., 1997. 399 p.
12. Fridmen L. Vvedenie v amerikanskoe pravo. M., 1993. 284 p.